

Хранить родники Берендея

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов», принятое в декабре 1978 года, является значительным документом, свидетельствующим о гуманизме нашего общества, его постоянной заботе о жизни, здоровье и благополучии нынешнего и будущих поколений советских людей.

Защита природных ценностей для писателя — дело традиционное. Литераторы проявляют интерес к самым различным граням экологической проблемы. И сегодня диапазон писательских материалов, представленных на нашей странице, весьма широк и по темам, и по географии: крайний север нашей Родины, её центральная часть, крайний юг.

Просторное синее Плещеево озеро лежит в оправе высоких зелёных берегов, как драгоценность. Мощные подводные родники питают его, приносят ему чистоту и свежесть. Века и тысячелетия отложили свои пласты на его берегах. Озеро видело пожары, зажжённые татаро-монгольскими отрядами, видело разорение края в Смутное время, и над ним же разносился звонкий перестук топоров, возводивших каждый раз обновляющуюся Русь. Гладь озера пересекали первые корабли русского флота, а знаменитая «переславская селёdochка», ряпушка, попавшая на городской герб, из века в век представляла собой на всех торжественных обедах в Кремле.

И даль туманную веков, и истоки «родников Берендея», и влажные лиловые прямоугольники торфяных полей, и мерцающие солнечные блики на песчаном дне озера и речек, и торжественный шум корабельных сосен на берегах озера под ветром — всё это вбирал я в себя в предшествующие годы не из праздного любопытства, знал не поверхностным, а глубинным знанием. Дружба с этим краем, узнавание его на протяжении четверти века были частью моей собственной жизни. На берегах Плещеева озера я начинал самостоятельную научную работу, приобретал опыт литературный, а вместе с тем открывал для себя людей и край, его прошлое и его настоящее, которые становились и моим тоже прошлым и настоящим.

За эти десятилетия на моих глазах менялась природа, менялись люди. Рос, наполнялся новой жизнью древний город Переславль-Залесский, поставленный восемьсот с лишним лет назад Юрием Долгоруким на берегах впадающего в озеро Трубежа в память Переяславля Южного. Осушались и разрабатывались «кладовые солнца», как окрестил когда-то М. М. Пришвин здешние болота. Стройными рядами сосновых посадок зарастали прежние проплешины вырубок, оставшиеся с военных и послевоенных лет. По лесам, на месте прежних колдобин и пешеходных троп, пролегли новые дороги. Отстраивались и крепились хозяйства района. Не менялось вроде бы только Плещеево озеро.

Работая на его берегах, знакомясь с трудами специалистов других областей науки, каждый раз я убеждался, что Плещеево озеро — такое же уникальное явление природы для Восточной Европы, как Байкал — для всего Азиатского континента. Уникален температурный режим озера, сохраняющий неизменными нижние холодные слои, благодаря которым и существует ряпушка — тоже уникального, нигде более не известного вида; уникален минеральный состав воды, вместе с низкой температурой придонных слоёв препятствующий перегреву озера летом; уникален животный и растительный мир окрестностей озера —

древние торфяные болота, полузаросшие озера, реликтовая растительность, в других местах давным-давно уничтоженная человеком. Я не говорю уже о многочисленных памятниках прошлого, археологических, палеонтологических, архитектурных, которыми усеяны берега озера и окрестности.

Между тем в последние годы из Переславля до меня стали доходить тревожные вести. То, писали мне, кто-то завалил бетонными блоками и гравием исток Вёксы из озера, и плотва, привыкшая нереститься в реке, ту весну зайти в неё не могла. То вдруг оказалось, что вода в реке зацвела, стоит высоко, затопливая подполья и подпирая уровень воды в колодцах, отчего та стала негодной для питья. То, наконец, пришла ни с чем не сообразная весть, будто зимой на Плещеевом озере случился замор — стала гибнуть рыба от недостатка кислорода, — и мужики пооборотистей, нарубив прорубей, чтобы рыба могла хоть вздохнуть, черпали её корзинами, плотву вперемешку с окунями, налимами и даже «царской рыбой» — ряпушкой...

Трудно было в такое поверить. Не мог быть замор в Плещеевом озере, ну никак не мог быть! За всю историю озера никогда такого не случалось, как никогда не зацветала в нём вода, хранимая от такой напасти холодными струями глубинных родников, постоянным внутренним коловращением воды, которым эти родники управляли, и сносом всей перегревающейся поверхностной плёнки прочь из озера, в Вёксу... Озеро было проточным. И питали его именно эти родники, а не те четырнадцать впадавших в него речек, ручьёв и ключей, большая часть которых пересыхала к середине лета. Чистоту воды озера не могли нарушить отходы старых красильных фабрик. Да что вспоминать о давних временах! Помню, как почернел Трубеж в начале шестидесятых годов, превратившись почти в сточную канаву, кляксой расплываясь перед городом в озере... И то ничего не случилось! Выстояло озеро, процедило городской сток сквозь заросли рдеста и стрелолиста, связало их, осадило на дно. И с тех пор, как поставили новые очистные сооружения, куда как прозрачна вода Трубежа... Так что же произошло?

...На место мы приехали поздно ночью. Свет фар выхватывал из темноты деревья, тёмные, уже заснувшие дома посёлка на Вёксе. И засыпая, я подумал, что на первый взгляд вроде бы мало здесь всё изменилось: знакомый силуэт ночного леса за рекой, те же тяжёлые от листвы купы деревьев, тот же дом, в котором месяцами жила наша экспедиция. И только неуловимый запах тления, примешивавшийся к ночной свежести, да непривычная тишина, не нарушаемая всплесками гуляющей рыбы, оставляли неясное чувство тревоги.

Ясно — до жути — стало утром. Река цвела. Отсюда был и запах, и отсутствие рыбы, бежавшей от гнили. Чистая, когда-то хрустальная Вёкса, из которой мы пили воду пригоршнями, в которой самые глубокие ямы — и те высвечивались солнцем до дна, играющего песчаными бликами, теперь была неподвижна, покрыта толстым вязким слоем загнивающих сине-зелёных водорослей. При этом вода стояла высоко, выше, чем обычно в такое время, как словно бы ещё держалось половодье. Она разлилась вширь, зашла в кусты, затопила поёмные луговины, на которых вместо ровного «ёжика» покоса и смётанных стогов поднимались заросли рогоза, стрелолиста, болотного лютика и зияли обширные илистые промоины. Столь же безотрадно было глазу и на озере, куда я выбрался на лодке, толкаясь веслом вверх по течению. На всём моём пути по сторонам стоял гибнущий, полузатопленный лес, вместо прежних пойменных лугов были болота, и лодка нехотя преодолевала медленное встречное движение зелено-жёлтой массы, цветом и консистенцией напоминавшей смесь горохового супа и шпинатного пюре.

Что послужило причиной такого преобразования? Отбросив самые невероятные из тех, что мне называли, я мог бы остановиться на одной — на химических удобрениях, которые с истинно русской щедростью ежегодно рассыпали по окрестным полям и большую часть которых дожди и талые воды незамедлительно отправляли в озеро. Но дело заключалось не только в удобрениях. Как ни странно, всё началось с благих намерений остановить сокращение Плещеева озера. Процесс этот был явным, не всегда равномерным, прерывался в обильные дождями и снегом годы, но в целом, наблюдая из лета в лето, можно было видеть, как озеро постепенно мелеет. Вот и возникла у местных ревнителей озера идея: если озеро мелеет — поможем ему, поднимем его уровень!

Проектов было много. Для начала завалили гравием и бетонными блоками исток Вёксы, чтобы из озера не вытекала «лишняя» вода. Но то был только первый шаг: в будущем всю

эту низменную сторону озера с истоком реки предполагалось заковать в бетон: дескать, нечего воду реке отдавать, самим нужна! Ну, а пока суть да проекты, на три километра ниже по Вёксе — в Усолье была построена новая плотина. В расчёт не приняли одного, самого главного: «желания» самого озера, для которого запруду Вёксы, лишение нормального, тысячелетиями отрегулированного сброса воды при сохранении необходимой, «критической» скорости течения, можно сравнить разве с положением человека, которому при усиленном санаторном питании решено зашить весь кишечник. А ведь, казалось бы, совсем рядом печальный пример подобного же «улучшения» озера Неро, остановленного плотиной для скорейшего его зарастания...

Поднявшийся уровень затопил бывшую пойму, подтопил подполя и выгребные ямы у домов посёлка. Река зацвела в первый же год после постройки плотины; озеро — год спустя, но уже на следующую зиму произошёл первый в истории озера замор. На другую зиму — второй...

Мы часто забываем, что каждая такая гидросистема — озеро с впадающими и вытекающими из него речками и ручейками, река со своими притоками, торфяники, дающие начало рекам, — является своего рода «организмом», существование которого определяется сложными ритмами биосферы. На протяжении веков и тысячелетий водоёмы «дышат», пульсируют, то повышая, то понижая свой уровень. Это одинаково относится к Каспийскому морю, Аралу, Плещееву озеру, торфяникам и Мировому океану — ко всем естественным водоёмам.

Сейчас, согласно расчётам палеогеографов, Плещеево озеро вступило в очередной период сокращения, усыхания.

«Взрыв» загнивания произошёл оттого, что вода оказалась насильственно поднятой выше края чистого песчаного ложа реки, в котором она сама себя сохраняла. Выступив из берегов, река залила илистую пойму с её гумусом и дёрном — и вот весь этот перегной, поднятый застойной, перегретой водой, превратил сначала реку, а потом и озеро в сточную яму, где с помощью химических удобрений с огромной скоростью начали размножаться сине-зелёные водоросли, способные в считанные годы превратить любой водоём в зарастающее топкое и зловонное болото.

Честно говоря, вывод этот меня даже обрадовал. Он указывал выход из создавшегося положения, позволяющий одновременно спасти озеро от обмеления и избавиться от сине-зелёной напасти. Для этого требовалось, пропустив паводок, потом с помощью плотины только поддерживать определившийся в предыдущие годы уровень реки — такой, чтобы он оказался на пятнадцать-двадцать сантиметров ниже основания илистых, заболоченных почв поймы. Всё это было доступно местным рукам и силам, требовало не каких-то «капиталовложений», а всего лишь обыкновенного водомерного поста с контролем на злополучной плотине. Обо всём этом я тогда же решил посоветоваться с одним из своих переславльских знакомых. Он мог в достаточной степени оценить ситуацию, дать дельный совет, а то и подсказать новое решение.

Мне повезло: человек этот оказался на месте, день у него был относительно свободен, и с первых же слов стало ясно, что состояние озера волнует его не меньше, чем меня. Оставалось найти общий язык и взгляд на сложившуюся ситуацию, что было не совсем легко, потому что в его сознании принцип «активного воздействия на природу» требовалось заменить диаметрально противоположным, «ученическим».

«Постой, постой, — говорил он мне, горячась, — что же, выходит, мы всё наоборот делаем? Тут мы все готовы расшибиться, чтобы озеро спасти, а ты говоришь, мы его плотиной губим!» «Да», — говорю. «И озеро должно сокращаться?» Готовый к такому разговору, я привёл ряд цифр, начиная с середины семнадцатого века, показывающих, как изменилась площадь озера, рассказал о колебаниях его уровня в древности. «Машина есть? — спросил он, что-то прикинув в уме. — Давай поедем на место, покажешь!»

Остаток дня прошёл на ногах. На Вёксе я показал ему чёткую границу между песком речных отложений и чёрным слоем пойменной почвы — границу, которая прежде находилась неизменно выше уровня реки. Сквозь чащобу кустов, заросли папоротника и молодые посадки сосняка мы прошли по едва заметным террасам Плещеева озера, хранящим следы былых уровней и остатки древних поселений.

Самые низкие из них находились на уровне современного зеркала озера, в сырой болотистой пойме. «М-да, — проговорил мой знакомый, — тут я и на осенней охоте не стал бы костёр палить. Если здесь люди жили, озеро ниже теперешнего на метр, как минимум, было... А самые верхние поселения где?» — «Там, где узкоколейка, почти на три метра выше. Последний раз такой уровень был при Петре, когда он флот свой строил. А теперь сам видишь...» — «Вижу. Похоже, так и есть». — «Так что делать станем?» — «Подумаем. Посоветуемся. Здесь ведь не только о реке речь! Ихтиологи, кстати, рекомендуют уровень держать ещё выше, чтобы рыба на пойме нерестилась и малёк успел выклюнуться...» — «Одно другому не мешает. Полую воду на затопленной пойме весной хоть две недели держи — за это время весь малёк в реку сойдёт. Но не больше». — «Похоже, другого выхода нет. Да вот только...» — «Что — только?» — «Поедем, путём поговорим...»

Растащить бетонные блоки и вычерпать гравий у истока Вёксы, как сказал он, особого труда не составляет. При нужде можно было бы даже снять весь почвенный слой с поймы, в азарте предложил он, хотя это было уже чистой фантастикой. Увеличить полосу городского пляжа за счёт привозного песка — расход ничтожный. И если озеру жизненно важно сократиться, чтобы задержать испарение, ему можно не препятствовать. Но главное не в этом.

Главное, что определяет сложность ситуации, — проблема водообеспечения города. Несколько лет назад на северо-восточном берегу озера были заложены семь мощных скважин, опущенных на сорок с лишним метров в водоносный пласт, откуда насосы день и ночь гонят воду в новый Переславль, выросший за последнее десятилетие неподалёку от старого рядом с огромным новым химзаводом. За это время город вырос в два с половиной раза, и это только начало. Согласно перспективному плану город должен превзойти старый Переславль в шесть-семь раз, достигнув ста тысяч жителей. Между тем скважины забирают из-под озера не лишнюю, а именно ту воду, которую прежде приносили в озеро ледяные подводные ключи. И всё же воды уже не хватает. Поэтому теперь решено забирать воду не только из скважин, но и прямо из озера. Отсюда и попытки поднять его уровень...

«Да откуда же в озере воде взяться?! — взорвался я. — Ведь из-за этого отсоса холодных родниковых вод оно и стало так бурно цвести! Прогревается до дна, кислорода в воде не хватает, скоро и ряпушка вся погибнет. Она же и живёт здесь только за счёт ключей, что возле дна ей древние ледниковые условия сохраняют!» «Ледниковые?» — «Да. Ряпушка — сиг, он может жить только в холодной и чистой воде, почему и водится только на севере... А здесь она — реликт, пережиток, живое ископаемое... Ведь эти ключи, не давая озеру перегреться, не давали ему и зацвести. А как включили вы свои насосы да подпёрли Вёксу плотинкой...» «У нас другой план есть, — попробовал защититься мой спутник. — Сейчас пока будем брать воду прямо из озера, а по Трубежу, выше города, создадим резервное водохранилище. Там будем собирать весенние воды, а потом, по мере надобности, спускать их в озеро, поддерживая его уровень...» «Ну, и что выйдет?» — «Как что? Запас воды». — «А какой воды? Небось, у Загорья наметили водохранилище делать?» — «Точно». — «Знаю место. Было там когда-то озеро: под лугами илы, болото, как пойма на Вёксе. Там у вас так вода зацветёт, что и озёрную-то воду пить нельзя будет! Лучше бы подумали, как достать воду со стороны, не трогая озеро... Да и хорошо ли держать водохранилище прямо над городом? Несчастный случай на дамбе, прорыв — и весь старый Переславль смёт...»

Как выяснилось, проекты обойтись без озера тоже выдвигались, но... пожадничали. поспешили, не стали их рассматривать. А было два варианта, одинаково интересных. Согласно первому можно было для снабжения города и химзавода использовать волжскую воду, протянув водопровод от Калязина или Скнятина. Другим путём решения проблемы были поиски воды в глубоких водоносных горизонтах за пределами водосборного бассейна Плещеева озера. Но всё это пока не двинулось дальше разговоров...

На этом мы и расстались, не слишком довольные друг другом и самими собой, потому что почувствовали и беспомощность свою сделать что-либо немедленно, не ожидая новых заморозов, и острую тревогу за эту вот природу земли русской, которая повернулась к нам сейчас судьбой Плещеева озера. В самом деле, встревожиться, найти корень зла — ещё только полдела: дело объявится, когда вместо дилетантских рассуждений, вроде моих, будет найдено действительно радикальное решение проблемы и приняты незамедлительные меры спасения озера — спасения его «живой» воды, которая вот-вот может стать водой

мёртвой. А для того чтобы произошло это как можно быстрее, надо, чтобы каждый из нас почувствовал это дело не просто всенародным, — нет, личным, своим, кровным, чтобы к нему и свою посильную толику сил и ума приложить.